

A man with a beard and intense gaze is in the foreground, looking slightly to the right. Behind him, a woman with long dark hair and blue eyes looks directly at the camera. She is wearing a black off-the-shoulder dress. The background is dark with a prominent red light source, possibly a fire or a stage light, creating a dramatic and somewhat ominous atmosphere.

БЫВШИМИ
нам не быть

ЛУЛИ ТАН ЦУ

Лули Тан

Бывшими нам не быть

<https://litres.ru/74227224>

Аннотация

Я сбежала от него сразу же, как только он сделал мне предложение. Столкнувшись с тайнами его семьи, я пришла в ужас, но еще ужаснее было то, что он их в упор не замечал.

Он появился снова, спустя пять лет и не знает, что у него пятилетняя дочь, не догадывается о причинах моего поступка. За его спиной я вижу все тех же призраков прошлого, от которых теперь мне бежать некуда. Да и как можно убежать от самой себя и от чувств, которые не угасли с годами ни у него, ни у меня.

История о любви и судьбах, о семейных тайнах, которым лучше бы навсегда оставаться тайнами. История о том, что над настоящими чувствами не властно ни время, ни люди.

✓#ХЭ ✓#Эмоционально ✓#Развитие характеров

Содержание

Глава 1. Час за часом	4
Глава 2. Перегрузка	19
Глава 3. Штормовое предупреждение	25
Глава 4. Несъедобный завтрак	38
Глава 5. Внимание и ласка	50
Глава 6. Слишком много совпадений	56
Глава 7. Пирожок с нетом	63
Глава 8. Лёд	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1. Час за часом

Сейчас

«Всё, что принадлежит брату, принадлежит и мне», – ядовитые слова брата Дениса до сих пор звучали в моих ушах. Денис – мой жених, совсем недавно им был – от этой мысли сердце раскололось и заныло от боли. Я шла, почти бежала по проселочной дороге и судорожно тыкала пальцем в экран телефона, вызывая такси.

Я все еще чувствовала жаркое дыхание брата моего жениха на своей шее. Болела грудь, от того, как он ее сдавил. «Хочешь быть с ним, будешь делать, что я скажу и когда скажу», – прозвучала в голове еще одна его фраза.

Я тряхнула головой, пытаюсь вытрясти из нее этот морок. Можно настроить себя на что угодно, всё-таки первая встреча с семьей жениха – событие тревожное. Но невозможно было подготовиться к тому, что родной брат жениха попытается тебя изнасиловать. А их мать... О боже, я даже думать об этом не могла.

Я будто до сих пор чувствовала на себе колючие пальцы этого мерзкого братца Дениса. Я бежала прочь из того жуткого дома, из абсолютно долбанутой семейки. Было холодно, повсюду лежал снег, мороз пробирался под зимнее пальто. Но я не вернусь туда. Где же чертово такси?

Наконец, приложение показало, что водитель двинулся в

мою сторону, и я с облегчением выдохнула.

Позади виднелся огромный загородный дом – настоящий дворец за трехметровым забором, а я думала только об одном: «Бежать! Поскорее бежать отсюда! Не оборачиваться и никогда сюда не возвращаться! И никогда, ни за что не связывать свою жизнь с этой семьей, больше смахивающих на пациентов психиатрической больницы, которых непонятно почему выпустили из палат с мягкими стенами и тяжелыми дверями».

Впереди пыхнул дальний свет приближающейся машины. Я отошла на обочину и прошептала куда-то в небо: «Спасибо», – когда такси остановилось рядом со мной.

Час назад

– Денис, у меня почему-то голова кружится, – осторожно на ухо говорю я своему жениху и натягиваю улыбку, замечая на себе неодобрительный взгляд его матери, которой явно не нравится, как бережно я трогаю Дениса за руку, как нежно смотрю на него, будто любить Дениса – это что-то неправильное.

– Может, тебе прилечь? – спрашивает Денис и смотрит на меня взволнованным взглядом. Он очень заботливый, и я бы его не дергала, но мне и правда нехорошо, в глазах все размывается.

– Хотя бы минут на десять, – соглашаюсь я. – Проводи меня, пожалуйста, я путаюсь в комнатах.

Мать поджимает злые тонкие губы.

Мы встаем из-за стола.

Я здесь впервые, Денис привез меня познакомить с матерью и братом, о которых говорит обычно, как о малых детях, за которыми нужен уход. Денис из тех мужчин, что все решат и обо всем позаботятся, позволяя остальным быть слабыми. Но мне порой кажется, что Денису самому нужна забота и не мешало бы немного скинуть ответственность с его сильных плеч. Поэтому я стараюсь отдавать заботу и нежность.

Но мать и брат Дениса ведут себя, как бы это сказать, капризно что ли. Но не мне судить, я только впервые их вижу. А сейчас рада ускользнуть из гнетущей атмосферы семейного ужина.

Денис проводил меня в комнату, уложил на кровать, подоткнул одеяло, жарко шепнул на ушко: «Скоро вернусь, детка, но, если станет полегче, спускайся вниз к нам» и притушил свет. Мне хотелось, чтобы он остался со мной, но, уже познакомившись с его матерью, я понимала, что такое может выйти боком и ему, и мне.

– Денис, родной мой, спасибо, – сказала я ему, когда он уже был в дверях.

– Маленькая моя, отдохни, все будет хорошо, – сказал Денис и прикрыл за собой дверь.

Он закрыл дверь. Я не знаю, сколько прошло времени. Голова кружилась, накатывала тошнота. Будто пьяная. Но я ведь сделала-то пару глотков вина.

Скрипнула дверь. Денис вернулся! Я лежала на боку и не

стала поворачиваться, чтобы не замутило. Он сел рядом и аккуратно убрал локон мне за ухо.

– Денис...

– Тшш...

Я почувствовала горячее дыхание на щеке, а затем... по коже прошелся влажный язык, бр-р, и тут же меня словно дернуло током. Это не его дыхание, и Денис так мерзко никогда бы не сделал.

Я резко обернулась. Из окна падал зимний сумрачный свет и было видно, что на кровати сидит брат Дениса и плотоядно улыбается. Я попыталась вскочить, но он прижал меня к кровати, навалился, пахло перегаром и еще чем-то кислым. Он прошипел:

– Все, что принадлежит моему брату, принадлежит и мне.

От страха, от нелепости ситуации, от отвращения меня будто парализовало. Я не понимала, что происходит.

– Де...

– Заткнись! – он не дал мне крикнуть и зажал рот рукой.

Другой рукой так сильно сдавил грудь, что от боли туман развеялся в голове, и в тот момент, когда он уже попробовал залезть на меня, я что было сил приложила коленом ему между ног.

– Сука... – прошипел он, – лучше вали отсюда, теперь тебе точно ничего не светит, жизни тебе не будет здесь, уж поверь.

Он скатился с кровати на пол и прорычал:

– Смотри, что ты сделала!

Я обернулась в дверях.

Со всей дури он долбанулся лицом о прикроватную тумбу. Я слышала, как хрустнул нос. Что за... Кровь тут же залила его рубашку. Бред!

Он смотрел на меня совершенно безумными глазами, а я не в силах была сдвинуться с места. От сюрреализма происходящего меня будто лишили воли. Неконтролируемая паника поднялась откуда-то со дна души и затопила меня с головой. Я часто-часто дышала, на глазах выступили слезы, картинка стала нечеткой.

Он снова приложился головой о тумбу, и этого я уже выдержать не могла. Я рванула из этого дома, молясь, чтобы мне никто не попался по пути. Я слишком хорошо знаю, что такое это безумие. У него нет объяснений, для него нет доводов. И если кто-то думает, что психи выглядят психами, то он ошибается. Самое страшное, что они выглядят нормальными.

Руки тряслись, я не могла попасть в рукав, шапка выскользила у меня из рук, ботинки застегивать не стала. Я бежала по сугробам, и мне казалось, что хруст снега такой громкий, что сейчас меня все услышат, узнают, что я сбежала.

Я не хотела ничего объяснять и ничего слушать.

Это какое-то безумие. Я словно открыла дверь в параллельную реальность. Мне просто нужно было отсюда убраться. Вернуться в мою нормальную реальность как можно скорее.

Два часа назад

– Пойдем, Дина, посекретничаем по-женски, – мама Дениса и моя будущая свекровь взяла меня под руку, как только мы переступили порог дома.

Это было как-то странно. Денис только успел нас представить, как Анастасия Михайловна потянула меня, будто вырывая из объятий Дениса. Я растерялась. Но она казалась такой радушной и уютной, что я только криво улыбнулась, глядя на Дениса, и послушно пошла с ней.

Денис пожал плечами и подмигнул, дескать, все нормально, не волнуйся. Его окликнул молодой мужчина с лестницы.

– Мой брат, Александр. Моя невеста – Дина, – познакомил он нас, но Анастасия Михайловна тут же утянула меня в гостиную, остановив жестом: «У нас женские разговоры не для мальчуковых ушей».

– Мама, Дина...

– Дорогой, – перебила мать Дениса, – Саша так давно тебя не видел, к тому же у него усилились головные боли, ему нужна ровная спокойная обстановка, может, побеседуешь пока с братом.

– Конечно-конечно, – спохватился Денис, и на его лице появилось незнакомое мне виноватое выражение. Вот так я и осталась один на один с его матерью. А ведь я просила его: «Милый, пожалуйста, не оставляй только меня наедине, я волнуюсь».

Я опустилась на диван в гостиной, Анастасия Михайловна

присела на краешек рядом, заглянула мне в глаза и взяла за руки. Это было уже чересчур. Слишком как-то нарочито что ли, но я не стала выказывать недовольство.

– Ну, рассказывай, Дина, желательно всё без утайки.

– Что рассказывать? – постановка вопроса меня мягко говоря ошарашила.

– Как тебе Денис, рассказывай, он у меня мальчик хороший, воспитанный, это я и сама знаю, но тебе как?

– Простите, я не очень понимаю, если честно.

– Ну, скажешь тоже, не понимаю, все ты понимаешь, – она улыбнулась, но от этой улыбки у меня почему-то пробежали мурашки по спине. Я понятия не имела, о чем она говорит, но она все вывернула так, будто я ломаю комедию и что-то скрываю.

– Мм, ну, у нас все хорошо...

– Ну, конечно, хорошо! Я вот тебе что скажу. Тебе нужно внимательнее быть.

– В каком смысле?

Мать Дениса перешла на шепот, будто мы секретничали, и чуть наклонилась ко мне, а я, пытаясь ее расслышать и неосознанно повторяя за ней, тоже наклонилась к ней. И вот мы сидели, шепчась. Стало вдруг неловко. Я попробовала отодвинуться, но она дернула меня за руку к себе.

– Я же ребят сама растила, муж мой – их отец, рано скончался, царство ему небесное, так что я все сама. Намаялась. Но вырастила. Всё знаю, всё, что любят, что не любят, что

едят, что не едят, и тебе нужно так же. Я тебе все объясню. Вот Денис, например, не может не позавтракать. Так ты вставай пораньше, чтобы, когда проснется, все уже было готово. Я тебе список составляю, чтобы одно и то же не готовила.

Я не понимала, она это серьезно или нет. А она продолжала бормотать, словно наизусть:

– Питание должно быть правильное, я тебе другой еще список дам, где продукты закупать. Следи, чтобы в доме всегда было чисто, не люблю я, когда все не блесит.

– Простите, но мы же не у вас будем жить, – не стерпела я.

– А какая разница? Мой сын вырос в чистоте, и я хочу, чтобы так было и дальше. Не перебивай. Никогда не перебивай меня! Не смей! – внезапно взвизгнула она, и лицо ее на мгновение исказилось, будто ее токомшибануло.

Я невольно поежилась, будто в комнате резко упала температура. Совершенно нервная и ненормальная реакция. Анастасия Михайловна тут же взяла себя в руки и ослабилась в благожелательной улыбке.

– Смотри, когда холодно, чтобы он тепло одевался, в этом он безалаберный, а простужаться ему нельзя, у него бронхит в детстве хронический был.

– Анастасия Михайловна, вы уж простите, но, кажется, вы немного опережаете события, – я освободила, наконец, свои руки, которые она уже сжимала довольно-таки сильно.

Она дернула бровью, улыбка сменилась ухмылкой.

– Ты бы лучше слушала, что тебе говорит человек, умуд-

ренный опытом, Диночка. Я же ничего плохого не посоветую.

Она снова схватила меня за руки, я огляделась будто в надежде, что появится Денис и избавит меня уже от этой странной беседы. К моим мальчикам особое нужно отношение.

– И еще. Мы же теперь одна семья...

Я хотела возразить, что нет, еще нет, но она продолжала тараторить:

– Так вот, я про Сашу, младшего брата Дениса тебе тоже расскажу. Ты с ним поласковее, у меня мальчик сложный... но это долгая история, в общем, поласковее хорошо?

– В каком смысле, Анастасия Михайловна, я не очень вас понимаю, – я снова убрала свои руки и сложила на груди, чтобы она опять не схватила.

– Ой, ну знаешь же... он сложный, с ним нужно немного поласковее... как бы тебе сказать... А детки? – сменила она вдруг тему. – Деток уже планируете? Ты имей в виду, я внуков беру на себя. Ты еще слишком молода, да и что ты умеешь. Здесь опыт нужен.

– Что значит берете на себя? – я в недоумении дернула бровью.

– Да в прямом смысле, что тут непонятного, внуков я буду воспитывать сама, двух таких красавцев воспитала и здесь справлюсь. Вы молодые, вам на себя время тратить нужно. Да и мне радость.

Мне уже совершенно не нравился этот разговор. Просто

встать и уйти было грубо, но я уже готова была это сделать. На мое счастье появился Денис.

Анастасия Михайловна тут же вскочила с дивана. Денис приобнял мать. Я поднялась следом.

– Ну, давайте к столу, что ли, хорошие мои.

Она стрельнула в меня взглядом, будто иглой кольнула. Меня буквально передернуло, и я едва нашла в себе сил, чтобы не показать это ей и Денису.

Уже на пороге Анастасия Михайловна аккуратно взяла меня за локоть и остановила.

Она потянула меня к себе и шепнула на ухо такое, отчего у меня поплыло перед глазами. Я попросту не могла поверить, что она говорит это на самом деле.

Все во мне закричало: «Беги отсюда», – но я будто не могла до конца поверить, что все происходит на самом деле и то, что она говорит – это не игра моего сознания. Она прошла вперед, я шагнула за ней.

Его брат шел следом и в какой-то момент мне показалось, что я слышу его дыхание, будто он понюхал мои волосы. Я глянула через плечо. Он смотрел на меня со странным блуждающим огоньком в глазах.

Три часа назад

– Зря ты нервничаешь, у меня мировая мама. Может, немного перебарщивает с заботой, но это от любви, – Денис открыл мне дверь, приглашая сесть в салон машины.

– Да я не нервничаю, просто я тебе говорила, что все как-

то быстро, я бы даже сказала – стремительно. Ты не даешь мне ничего обдумать. И вот ты меня уже с мамой везешь знакомить, – он закрыл дверь, обошел машину и сел за руль.

– По мне так нормально. На все, что ты можешь сказать, я тебе отвечу только одно – я безумно тебя люблю. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Я знаю, что ты – моя единственная. Ты веришь мне? – спросил Денис.

– Верю, – я уткнулась ему в плечо, подышала его запахом, ощутила силу рук, тепло. Он ласково поднял меня за подбородок:

– Ну как, успокоилась?

Я кивнула. Денис буквально захватил меня, всю целиком. Он оккупировал мои мысли, мое тело, мое сердце. Я смеялась: Денис – Зевс, эдакий патриарх всего Олимпа. Очень серьезный, очень правильный и неуправляемый в своих желаниях и целях. И я не могла ему сказать «нет».

– Ты только не заморачивайся особо по поводу моего брата, ладно, – сказал Денис, когда мы выехали на шоссе.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я тебе рассказывал, что он со странностями.

Денис и правда предупреждал, что его брат, который младше Дениса на два года, немного не в себе. Вроде как травма какая-то.

– Рассказывал, но не рассказывал, чего именно от него можно ожидать.

– Да ничего особенного. Просто у него случаются головные боли, может произойти что-то похожее на истерику. Надеюсь на твое понимание.

– Конечно, Денис, мог бы не уточнять. Не расскажешь, что с ним случилось?

– Это моя вина, – Денис нахмурился, было видно, что ему неприятно об этом говорить. – Мы детьми были, дурачились. Ты, наверное, понимаешь, какие игры у мальчишек бывают. Я ему в голову камнем зарядил. Я сам этого не помню. Мать рассказывала, что так было, а потом случилось осложнение. В общем, как-то так.

– И ты винишь себя в этом? – спросила я.

– А кого мне еще винить?

– Вы же детьми были, сам сказал, не специально же ты это сделал.

– Не специально. Но сделал.

Было видно, что Денис даже не рассматривает какой-либо вариант, чтобы не чувствовать себя виноватым. Но я решила не лезть в это дело. Себе дороже может выйти.

– На самом деле, если бы я тебе не сказал, может, ты ничего и не заметила бы. А то подумает, что он дикий, на людей бросается и ходит по дому в смиренной рубашке, – Денис натянуто улыбнулся.

– Ничего такого я не подумала и не подумала бы. Я же не деревянная по пояс.

– В общем как-то так, – подытожил Денис.

Почему-то от этого разговора мне было немного не по себе. Я подумала, что, если все с его братом в принципе в порядке, и я бы ничего и не заметила, можно было бы тогда ни о чем не предупреждать.

Я попробовала выкинуть неприятные мысли из головы. Все-таки сегодня хороший вечер. Со мной рядом любимый мужчина, он везет меня представить своей семье. Что может пойти не так?

За окном машины во всю резвился декабрь. Белым белым мело, а в душе уже расцветало предновогоднее настроение. Сейчас я была рада, что дала свое согласие на предложение Дениса, хоть и бежала от этого первое время.

Мне казалось, он слишком торопится. От знакомства до предложения руки и сердца прошло совсем мало времени. Денис как одержимый мечтал о семье, о ребенке. Я же была увлечена только своей карьерой. Но моя, вроде как, железобетонная установка, что сначала карьера, сначала стабильность, достаток и только потом семья и дети, не удержалась под напором Дениса.

Я так сильно в него влюбилась. Может, я просто почувствовала, что со мной рядом тот, на кого я могу положиться? Тот, рядом с которым мне не нужно будет самой проламывать стены.

Я не хотела ни от кого зависеть. Я всего в этой жизни хотела добиться сама, и у меня получалось. Но, может, все от того, что я не верила в такую любовь, какая случилась у нас

с Денисом, не верила, что все может совпасть и потому так рьяно боролась за место под солнцем, чтобы ни от кого не зависеть.

Что ж, почувствовать себя слабой, почувствовать себя вдовой, почувствовать себя женщиной, в конце концов, разве это плохо?

Мы подъехали к огромному загородному дому за трехметровым забором, и Денис не без удовольствия произнес:

– Ну, вот оно мое фамильное гнездо.

– Да уж, это не гнездо, это крепость, Денис, – искренне удивилась я.

– И крепость тоже. Добро пожаловать, – Денис расплылся в улыбке.

Сейчас

Такси везло меня в город и все, что произошло за последние три часа, врезалось в память, будто осколки разбитого зеркала, в отражении которого я еще недавно казалась себе счастливой.

Я выключила телефон. Я не хотела сейчас говорить с Денисом. Я боялась, что он как-то так все утрясет или объяснит, что я в который раз не смогу сказать ему «нет», и мне придется вернуться в тот жуткий дом.

Он же говорил о своей матери и брате, как о милых, своеобразных людях, значит, не видел, что они – жуткие монстры. Он же оставил меня наедине со своей матерью. Услышит ли он мою версию о том, что сделал его брат, или с ви-

новатым видом скажет мне, что у брата просто истерика, и что мне следовало быть с ним помягче.

О боже, это все бред. Кошмар. Я полностью потерялась.

«Дура, ты, Дина, нужно слушать свой внутренний голос, нужно доверять своей интуиции!» – корила я себя.

Я старалась успокоиться. Но меня не покидало какое-то чувство беды – предчувствие катастрофы. Меня снова замутило, как тогда за столом на этом проклятом семейном ужине.

– Остановите, пожалуйста, мне плохо, – попросила я водителя.

Машина затормозила на обочине. Я поспешила выскочить наружу, и меня тут же стошнило.

В голове мелькнула шальная догадка. Я попыталась отмахнуться от этой мысли, но от нее было уже не избавиться.

Я достала из сумочки влажные салфетки, привела себя немного в порядок, отдышалась и снова села в машину.

– В ближайшую аптеку, пожалуйста, – попросила я.

Водитель понимающе кивнул в зеркало заднего вида.

Глава 2. Перегрузка

Я выскочила из аптеки, убрала тест на беременность в сумочку и запрыгнула обратно в машину. Меня потряхивало. Ведь это... я мысленно побоялась дать *этому* название, имя, — *это* меняло всё.

О боже. Я аж застонала, водитель спросил обеспокоенно:

– Вам плохо, что-то болит? Может, к врачу?

– Нет-нет, просто жизнь, хм, болит.

Ведь сколько раз я просила Дениса предохраняться, но он жадно хотел семью, детей, меня и доводов не слушал. Он такой, все знает сам. А я потерялась в нем, моем Зевсе, моем всепоглощающем мужчине.

Неужели беременна? От этой мысли прошибал холодный пот. А еще от того, что ребенок – связь с Денисом, его семьей, а я только что от них убежала. И возвращаться не собираюсь.

Прости, родной. От мысли о том, что я, кажется, только что потеряла Дениса, я расплакалась. Сердце ныло с такой болью, будто из меня его выдернули, словно зуб.

Я словно уже смирилась с результатом теста, которые еще не делала. Как там звучит этот проклятый закон Мерфи – если что-то может пойти не так, оно обязательно пойдет не так?

Вот уже показался мой дом. Водитель высадил меня у

подъезда. Уже в лифте я достала из сумочки тест на беременность и сжала в кулаке, не в силах справиться с волнением.

Меня буквально всю колотило. Руки дрожали и не разобрать, то ли от холода, то ли от сдерживаемой истерики.

Ключ в замок, щелчок, квартира. Я скидываю обувь, на пол летит пальто. Я бегу в туалет.

Выхожу из туалета иду на кухню. Хочется поскорее влить в себя горячего чая, чтобы унять уже этот озноб. Ставлю чайник и включаю телефон. Кладу тест на стол, жду результата.

На включенный телефон тут же сыпется цепочка уведомлений. Сорок пропущенных вызовов. От Дениса. Я представляю, как он ищет меня, как ждет моего ответа, мы ведь были одним целым, а я вот так... И у меня рвется сердце, его часть остается с Денисом. Прости, прости, милый. Слезы катятся по щекам.

И сразу новый входящий. Видимо, Денису приходит уведомление, что абонент снова в сети. Кладу телефон на стол, не отвечаю, и долго готовлю душистый чай с травами, старательно не глядя ни на тест, ни на телефон. Но экран телефона вспыхивает новым входящим, подсвечивая лежащий рядом с телефоном тест.

Пустая чашка, которую я взяла, чтобы налить чай, выскальзывает у меня из рук, падает на пол. Но я не слышу звона разбитого стекла, меня оглушает стук сердца.

Две полоски. Две чертовых, опасных, уничтожающих мою жизнь полоски. Наливаю в другую кружку чай. Делаю

неосторожный глоток, тут же сжигая нёбо, но не чувствую этого.

«Ну, во тебе и закон Мёрфи в действии, Диночка», – говорю я сама себе и гляжу на новое уведомление о сообщении. Решаюсь все-таки прочитать:

«Малыш, куда ты пропала? Почему ты ничего не объяснила? Я волнуюсь, ты берешь трубку. Какого черта там произошло? Брата отвезли в травмпункт. Попробую уговорить, чтобы не писал заявление на тебя. Не понимаю, что на тебя нашло. Ты же знаешь, я бы выслушал тебя, не надо было сбегать, я бы все разрулил. Детка, ответь».

Да, Денис, ты бы разрулил. Но ты бы не стал слушать меня. Ты слушаешь только себя, решаешь за нас двоих. Так было с нашей свадьбой. Я просила отложить, ты назначил дату. Я просила предохраняться, ты упорно «делал детей». Я хотела продолжить карьеру, но ты требовал моей отдачи семье в каком-то там будущем.

Я не верю, что Денис меня бы послушал.

По щеке скатилась слеза, и тут же в голове зазвучал голос матери Дениса: «...внуков я буду воспитывать сама, двух таких красавцев воспитала и здесь справлюсь. Вы молодые, вам на себя время тратить нужно. Да и мне радость».

Меня передернуло.

Вздрогнула от очередного сообщения. Снова Денис. «Я не достоин того, чтобы со мной поговорить? Я еду. Скоро буду». Я заблокировала номер Дениса и поставила в настрой-

ках – входящие только от списка контактов.

«Он не поверит мне, он не поймет. Он ведет себя со своей семьей так, будто с ними все в порядке. Я знаю, что такое больные люди, они вовлекают тебя в свой кошмар, в свою болезнь. Я нет, не могу», – шептала я себе в оправдание.

В два глотка допила чай и судорожно стала соображать, что мне делать. Меня не покидало ощущение какого-то вязкого липкого кошмара.

Может, я, конечно, накрутила себя, но все же пребывала в полной уверенности, что выйти из этой истории можно только радикальным методом. Распутать эти узлы уже не получится. Их можно только разрубить.

И мне требуется время. Спокойствие. Безопасность. Тишина. Я со всем этим разберусь, я подумаю, как мне быть с беременностью, но не сейчас, позже. Для начала нужно перевести дыхание и все обдумать.

Я схватила ноутбук, открыла сайт, где можно купить авиабилет, и с облегчением выдохнула, когда нашла то, что мне нужно. Придется несколько часов провести в аэропорту в ожидании, но это лучше, чем альтернатива.

Я металась по комнате, кидала вещи в чемодан, не могла никак сосредоточиться, чтобы понять, что нужно, а что нет. Схватила фотку в рамке – мы с Денисом. Он обнимает меня сзади. Я в его руках такая хрупкая, утонченная, он – словно каменная стена. Так я его и ощущала. Погладила по его фигуре.

Прости, любимый. Я не знаю, как жить без тебя.

В последний момент не выдержала, вытащила фото и засунула в паспорт.

Жизнь в этот день сломалась. Во всех смыслах. Я из нее убегала, рвала все связи.

Я вертела в руках телефон, пока спускалась по лестнице и раздумывала позвонить ли подруге – единственному по-настоящему близкому человеку. Стоило бы сообщить ей о моем внезапном отъезде.

Но я знаю, что Алина Клюковкина тут же засыплет меня вопросами. Так и видела ее огромные удивленные голубые глазница и невольно улыбнулась. Нет, звонить ей не стоило, особенно, учитывая, что ее мужчина – друг Дениса.

«Потом! Всё и все потом! Клюковкина уж точно меня поймет», – решила я и вышла из подъезда, где меня уже ждало такси до аэропорта.

Вроде бы я не говорила себе, что покидаю этот город навсегда, но, когда самолет взлетел, заложил вираж и вниз раскинулась панорама ночной Москвы, от которой дух захватывает, почувствовала, что очень скоро снова увижу этот город.

Что в нем я оставляю свое сердце, оно бьется ночными огнями, фарами машины Дениса, его голосом, его запахом, его любовью.

А у меня теперь кажется нет сердца, во мне стояла тиши-

на, будто я что-то убила в себе.

Я опустила шторку иллюминатора.

Неизвестность придавила, оглушила, затуманила разум. Я с трудом проглотила тяжелый холодный комок, застрявший в горле.

«Может, неизвестность, а, может, это только перегрузка от взлета», – подумала я и закрыла глаза.

Глава 3. Штормовое предупреждение

Пять лет спустя. Дина

Скорость. Разум отключен. Я несусь по склону, полностью доверившись инстинктам. Деревья вдоль горнолыжной трассы мелькают так быстро, что превратились в сплошную темно-зеленую стену.

Я обгоняю неспешную вереницу туристов, закладывая вираж и, выбрасывая из-под доски облако снега, останавливаюсь.

В этом году отдыхающих особенно много, и у меня не всегда есть время покататься в свое удовольствие. Слишком много дел, слишком много времени занимает мой мини-отель, который за последние два года уже разросся настолько, что его уже «мини» и не назовешь.

Отбоя от гостей нет и пришлось ставить рядом с основным зданием комплекс из шале, вытянувшихся вдоль берега озера ровной линией, и выносить ресторан в отдельную постройку.

Иногда чувствую себя здесь чуть ли не помещицей. Правда ощущение такое, что в крепостных здесь только я сама. Так что – сама построила, сама стала помещицей, и сама себя закабалила. Но меня все устраивает. Именно так я и хотела.

Я всегда знала, что, если чего-нибудь когда-нибудь добьюсь в жизни, так только своим трудом и упорством.

Я делала ставку на столицу, но оказалось, что найду себя на родной земле – среди седых алтайских гор. Как говорит моя мама: «Где родился, там и пригодился, Диночка».

Сегодня будет тот еще денек. С утра предупредили: вечером ждать шторм. Это само по себе добавляет суеты, нужно все подготовить, все предусмотреть, но, конечно, одного этого мне мало. К вечеру же, как раз, когда будет самое горячее времечко, планируется новый заезд. Выкуплен весь второй этаж. И как не вовремя!

Я скинула с себя снарягу, переоделась в мягкий бежевый свитер, утепленные лосины кофейного оттенка, золотистые угги, взглянула в зеркало. Щеки румяные, темные волосы от растаявшего снега завитками лежат у лица, я себе такой нравлюсь. Раньше всегда носила строгие платья, узкие юбки, шпильки, волосы зализывала в хвост или ракушку – так я воспринимала образцовую деловую женщину. А теперь я хозяйка горнолыжного комплекса, и оказывается, что бизнес не в шпильках, а в голове и руках.

Я подмигнула уютной, сияющей от трассы самой себе и отправилась в ресторан. На чашечку кофе, прежде всего, но и глянуть как там с утра дела.

– Дина, привет, – встретил меня мой администратор Андрей. Высокий, плечистый мужик со светлыми волосами, которые красиво лежали волнами. Киношный красавчик, на

которого так любят заглядываться приезжие сноубордистки, – я проверил генераторы, топливо, если что без электричества не останемся. Так, что еще...

– Дублирующие генераторы? – подсказала я ему, направляясь к барной стойке.

– В порядке.

– С гостями связался? Которые вечером планировали заехать?

Я зашла за стойку, поставила две чашки под рожок кофемашины и стала подогревать молоко на струе пара. Кивнула Андрею на стул за стойкой.

Он уселся и положил на стойку планшет.

– Связался, не помогло.

– Ты им сказал, что ехать сегодня опасно? Что могут и не добраться, если занесет дорогу? – аромат свежемолотых зерен защекотал ноздри.

– Бесполезно. Упертые какие-то. Скандальить начали, будто я им отказываю в заселении, сказал же, что все на их страх и риск, нам-то какая разница, да?..

Он глянул на меня так, словно был не уверен в своих словах и ждал одобрения. Я поставила перед ним чашку с кофе.

– И? – я сделала глоток и закрыла от удовольствия глаза.

– И все. Едут и плевать им, пусть хоть земля разверзнется,

– Андрей пожал плечами всем видом показывая свое недоумение.

– Ясно. Группа, как я понимаю? – спросила я.

– Если бы. Семья. Ну, семья не семья, но родственники, короче.

– Ладно, справимся. Впервой, что ли? – подбодрила я его.

– А то! – встрепенулся Андрей.

Хороший парень. Мой ровесник, но ведет себя в экстремальных ситуациях, как умудренный опытом мужчина. Мне-то плевать на его внешность, главное, что он сильный, выносливый, рукастый. Многое здесь в хозяйственной части держится на нем.

Совсем был бы хороший, если бы не одно «но». И с этим «но» я пока никак не могу разобраться. Не знаю, как мне к этому относиться. Андрей ко мне неровно дышит и не скрывает этого. А я... Перед глазами стоит суровое лицо Дениса, искаженное болью моего предательства. И каждый раз сжимается сердце. Каждый год я отсчитываю: в этом уж точно должно стать легче.

Но не становится. Потому что я оставила Дениса, возможно, в беде. Потому что отняла семью, о которой он мечтал. Вина давит на меня. А еще, я не могу его забыть.

Между нами была близость такого уровня, когда улавливаешь невысказанную мысль, когда настроение человека, который рядом становится и твоим настроением, а если оно плохое, то справляетесь с ним уже вместе.

После такого сложно пытаться с кем-то сблизиться, всегда все недотягивают, всегда все чужие.

Вот и с Андрюхой то же самое. Мы делим на двоих тяготы

трудовых будней, а близости это не добавляет. Но Андрей меня в покое не оставляет.

– Ну, что закончена официальная часть? – спросил Андрей, и по лукавому блеску в его глазах я поняла – началось.

И все же, я не смогла удержать улыбки, а он как всегда интерпретировал эту улыбку как шанс.

– Ты уже решила, где мы будем свадьбу играть? Я предлагаю прямо здесь, – Андрей откинулся на спинку стула и белозубо осклабился.

– А, что все уже решено? Согласия моего уже не надо? Какой же ты настырный, Андрюш!

– Я не настырный, я влюбленный. Ты же знаешь, и я тебе пообещал, что ты будешь моей женой, что я могу поделаться? Мужик сказал – мужик сделал! И смотри, всего два года прошло, а я уже Андрюш. То ли еще будет?!

– Все, я освобождаю тебя от твоего обещания... мужик, – я засмеялась, но безобидно.

– Ты не знаешь, от чего отказываешься, я же лучший!

– Я знаю, что ты лучший, но дело же не в тебе.

– А в чем тогда? – Андрей хорохорился и был похож на молодое сильное животное в период брачных танцев.

– Ну, например, хотя бы в этом? – я показала за окно.

Там стояли две девицы с досками под мышками и махали руками, пытаясь привлечь его внимание. Симпатичные, молодые и совершенно не стесняются. Буквально сияют обе, и я почему-то догадываюсь, отчего девушки могут быть до-

вольными уже с утра.

– Очередные сноубордисточки, даже не одна? Ты нам всю репутацию попортишь, я уже не говорю о том, что ты всех сноубордитсок перепортил! Сразу две, Андрея, ты серьезно? Пожалел бы девочек, они же совершенно не способны сказать тебе нет.

Андрей сконфузился, краска бросилась ему в лицо. Он кивнул девицам и отвернулся от окна.

– Они еще там? – спросил он меня.

– А ты их теперь попробуй отковырять от этого окна. Ох, Андрей-Андрей, не бережешь ты себя.

– А, что мне делать, если женщина моей мечты меня отвергает? – Андрей снова глянул в окно. Девушки испарились. – Организм любви требует, а ты нос от меня воротишь. Вот как только скажешь «да», все остальные женщины в мире для меня исчезнут. Клянусь!

– Ой, не зарекайся. Развлекайся, Андрей, развлекайся, я уже старая больная женщина, да не сноубордистка, – я нарочито тяжело вздохнула.

– Это ты-то? В свои двадцать пять? Видел я как ты на доске катаешься, любому фору дашь, не приbedняйся. Так, что, Дина? Решайся! Но дело не в них, – он кивнул в сторону окна, – а в этом.

Тут он положил на стол затертую, сложенную пополам фотографию.

Я узнала ее сразу, видно, выпала из паспорта. Разогнула,

глянула, давно не смотрела на нее, на нас. На фото был Денис, он обнимал меня сзади, и мы были одним целым.

– Когда ты его уже забудешь, – вздохнул Андрей. – Время идет, а ты все по-прежнему где-то в прошлом.

Я глянула в окно, допивая кофе. Может быть, Андрюш, может быть, и в прошлом.

Вовремя я спустилась со склона. Небо понемногу начало затягивать облаками. Прогноз начинал сбываться.

Я уже не слушала Андрюхину болтовню. Меня беспокоила погода и гости, которых мы ждали.

То, что вредными гостями оказалась семья, а не группа добавляло нервов. Не люблю я эти отдыхающие семейки. Тем более, когда с самого начала с ними какие-то есть проблемы.

– Все, Андрей, – оборвала я его, – давай делами уже займемся, и я тебя прошу, пусть эти дела сегодня не будут касаться кружевного белья, третьего размера и, что ты там еще любишь?

– И темные волосы, – он специально акцентировал взгляд на моих распущенных волосах, – пухленькие губы, – Андрей глянул на мои губы. И...

– Все! Я поняла-поняла, утомонись уже, – не просто было выносить такой его взгляд полный желания и огня.

Я была благодарна ему за то, что он, несмотря на откровенные намеки, да даже не намеки, он говорил прямо, никогда все же не переходил определенную границу. Все эти

шуточки давно уже стали обыденностью, по крайней мере для меня. Не знаю, вкладывал ли в них Андрей еще какой-то смысл или нет, но мне было приятно его внимание.

Каждый раз я отшучивалась, словно поддерживала его игру, но мыслями тут же улетала в прошлое. Ровно на пять лет назад. Когда Денис был вот таким же неугомонным, тащил меня замуж, не переставал говорить о детях. И мне становилось не по себе. Я слушала Андрея, а думала о Денисе в такие моменты. Думала и чувствовала, что тоску по нему так и не изжила, не избыла.

Наверное, от того я чувствовала себя какой-то деревянной. Словно из меня все женское высосала эта тоска. Иногда я искренне хотела перевести игру Андрея во что-то больше. Но это попросту было невозможно. Я задавала себя кучу вопросов: почему, зачем и кому это нужно, и каждый раз находила только один ответ на все эти вопросы – я все еще любила Дениса.

Вот так все просто и невероятно сложно в то же время.

Погода портилась на глазах. К обеду мело уже так, что ни черта за окном было не разглядеть. А к вечеру, когда мы уже все на нервах ждали наших упёрты гостей я не выдержала и попросила Андрея:

– Это даже не просьба, но я на всякий случай, ты говорил, что у твоего отца вездеход есть?

– Есть. Я понял, выдвигаюсь! – тут же отреагировал Андрей.

Я глянула на этого светловолосого голубоглазого красавца и от такой его готовности тут же отправиться к черту на кулички, стоило мне только словом обмолвиться, стало как-то не по себе. Будто он только и хочет, что угодить мне, а это звоночек.

– Так, отбой, никаких «выдвигаюсь», я только просчитываю варианты, чтобы понимать, какие у нас ресурсы, – тут же остудила я его.

«Самопожертвования мне тут только не хватало», – подумала я.

– Отбой – это хорошо, конечно, – снисходительно улыбнулся Андрей, – но мы вроде как не в армии. А вездеход – хорошая идея. Гости должны уже были быть на месте, если их нет, значит, застряли и их нужно вытаскивать.

Я поняла, что останавливать его бесполезно, и уже пожалела, что обратилась. Почему же я раньше не разглядела в его глазах этот бесовской огонек, что вижу сейчас. Он чуть больше, чем следует задерживает на мне взгляд. Смотрит больше на губы, чем в глаза. Ох, Андрей, не играю я в эти игры на работе, больше не играю.

Когда стемнело я не выдержала волнения, оделась и вышла наружу. Ветер чуть ли не сбивал с ног. Казалось даже горы гудят и гнутся их вершины от бушующей силы природы.

Я вглядывалась вдаль, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть и вскоре заметила блеснувший свет фар.

К отелю урча и покачиваясь вездеход тянул за собой огромный черный внедорожник, которому не по зубам оказался переменчивый характер старика Алтая.

Я с облегчением выдохнула и уже собирался поскорее укрыться в здании, когда услышала из открывшейся двери внедорожника:

– Денис, Ксении помоги, я справлюсь!

Сердце оборвалось и тут же ноги сделались ватными, словно из меня разом ушли все силы. Даже сквозь завывания ветра я узнала этот голос. В ушах зазвенело почти забытое: «Никогда не перебивай меня! Не смей!».

Я стояла не в силах пошевелиться, будто меня пригвоздили через снег к земле. Из машины вышли четверо.

– Саш, мамин чемодан возьми, остальное потом, я пока машину куда-нибудь приткну!

Если у меня еще оставались какие-то сомнения: может совпало имя, может показалось, может это не ее голос, – они тут же развеялись. Это был голос Дениса безо всяких сомнений. Моего Дениса. Того, кто был когда-то «моим» Денисом.

Его голос вывел меня из оцепенения, и я рванула в здание. Андрей только глянул на меня в недоумении, но тут же понял, что я оставила его одного разбираться с размещением гостей.

Я пронеслась через холл, выскочила с другой стороны отеля и стремглав, будто за мной кто-то гонится побежала к ближайшему свободному шале, где и поспешила укрыться.

«Они здесь, черт! Они все здесь! Какого... да как так-то?», – неслось в моей голове. Меня всю трясло. Со мной случалась натуральная паническая атака.

Я готова была прямо сейчас в этот момент бежать отсюда куда подальше, хоть и понимала, что это не только невозможно, спасибо чудесная погода, но не имеет смысла. Мне больше некуда бежать. Здесь мое место. Здесь мой дом. Не я к ним пришла, как это было пять лет назад. Они пришли ко мне.

Я не представляла, что будет дальше. Промелькнула совершенно нелепая мысль: «Может, он меня не узнает?». Я потрянула головой. Бред. Конечно, узнает.

Ладно. Нужно собраться. Нужно взять себя в руки. Я в ужасе подскочила от звонка обжившего в кармане телефона, словно меня шарахнуло током. Нервы на пределе, еще немного и у меня точно удар случится.

Я глянула на экран. Андрей.

– Да, Андрей, – ответила я, стараясь не выдать волнение. Да, что там волнение – истерику!

– Ты куда пропала?

– Мне что-то нехорошо, давай сам, дай мне минут тридцать.

– Я могу помочь? – я услышала, как дрогнул его голос в волнении.

– Можешь. Размести их, устрой все – это лучшее, что ты

можешь сейчас для меня сделать.

– Я понял, – Андрей отбил звонок.

Стало жарко. Я расстегнула пуховик и подошла к окну. Не похоже было, что погода наладится в ближайшее время. Я уже научилась каким-то внутренним чутьем понимать здешнее настроение природы. И могла бы с уверенностью сказать, что в ближайшие дни просвета не будет.

На другом конце этого ряда из шале мой дом. Я была уверена, что Андрей справится самостоятельно. Тем более от меня в таком состоянии точно нет никакого толка. Нужно выдохнуть. Нужно осмотреться и понять, что делать. Нужно пережить эту ночь, а утро вечера мудренее.

Я застегнула пуховик, нахлобучила капюшон и затянула тесемки. Вышла наружу, чувствуя себя космонавтом, выходящим в открытый космос и поспешила к дому.

– Мама! – услышала я, когда открыла дверь.

И тут же тревога отступила, будто не могла сопротивляться этому родному любимому теплому голосу моей дочери.

– Я уже переживать начала, – на голос дочери из комнаты вышла Тамара Васильевна.

Вообще она у меня по хозяйственной части, но сегодня я оставила ее за няньку. Она частенько помогала мне с дочкой, да и ко мне, как мне казалось, относилась больше как к дочери.

Сильная, но побитая жизнью женщина, в глазах которой столько тепла, что мне казалось, она способна растопить все

снежные шапки на алтайских горах.

– Привет, счастье мое, – я подхватила дочку на руки зарылась носом в ее макушку и вдыхая родной запах.

– Там гудит сильно, – дочка показала пальчиком на окно.

– Это шторм, Дашенька.

– Он закончится когда-нибудь?

– Когда-нибудь обязательно закончится, – ответила я и поцеловала дочку в ее любопытный нос.

Глава 4. Несъедобный завтрак

Это место превзошло все мои ожидания, и, если бы не шторм, испортивший последнюю часть пути, можно было бы сказать, что все сложилось идеально. Морозный воздух охлаждал тело, мозг. Я приободрился, возможно, в этот раз впервые за сколько-то лет смогу отдохнуть. Несмотря на то, что со мной вся семья и, я затащил их на отдых по моему усмотрению, а не по их желанию, я решил, что точно отдохну.

Я хотел улететь на Алтай один. Черт! Один.

Но! «Саша ведь никогда не сможет вот так взять и полететь один, взял бы его с собой. Он ведь из-за тебя в таком состоянии». Это слова мамы. Она права. Саша из-за меня, да. Его я взял. А чтобы присматривать за ним взял маму. А мама взяла Сэн, мою младшую сестру, – едкое воплощение мизантропии и подросткового максимализма. Так что вуаля, детский сад на выгуле.

Но мысленно я решил: они сами по себе, а я сам по себе. У меня горы, снег, сноуборд, морозный ветер в лицо в ближайшем будущем.

– А, что, Денис, неплохо, совсем неплохо, скажу я тебе, – сказала мама, когда я открыл дверь ресторана, пропуская ее внутрь.

Это звучит, как попытка примирения. Потому что то, что я выслушал о выборе курорта, было похоже на скрежет пилы

по стеклу.

Следом за матерью вошла сестра, за ней брат. Мы прошли через шведский стол и только сестра, конечно, ничего не взяла на завтрак.

– Несъедобно, – бросила она, не отрываясь от экрана телефона.

– Ксения, но ты даже ничего не попробовала, – вмешалась мама.

– Сэн, – огрызнулась сестра, – меня зовут Сэн, я уже устала это повторять.

– Ну, не знаю, я тебя в свидетельство о рождении как Ксению вписывала, не знаю откуда эта Сэн взялась, – мама по своему обычаю говорила обиженным голосом. От него Сэн еще больше раздражалась.

Вот и сейчас Сэн закатила глаза, словно ей предстояло вынести на плечах всю тяжесть мира.

– Почему Денис может быть Дэном, а Ксения не может зваться Сэн? Какое вам вообще дело? – она оглядела всех нас, будто мы враги, окружившие ее, чтобы взять в плен.

Я не вмешивался в семейный треп, у мамы своя песня, у Сэн своя, Саша вообще бубнит что-то жуткое. Я только пожал плечами и принялся за еду. Я о них забочусь, у них в ответ одна задача: не доставать меня.

– Кому вообще пришла в голову идея зимой поехать туда, где еще холоднее? Нормальные люди зимой в теплые страны едут, могли бы сейчас под пальмой на белом песочке валять-

ся, – пробурчала Сэн и с остервенением тыкнула в экран телефона.

– Сэн, – бросил я жестко, она почему-то задачи по «недо-ставанию меня» не выполняла и начинала уже подбешивать.

– О! Старший братик мужика включил, – Сэн дернула бровью.

– Ксения, у тебя слишком острый язычок, тебе не кажется? – вмешалась мама.

– Хотя у кого-то в этой семье вообще есть язык, чтобы сказать хоть что-то, а не потакать каждому твоему слову, – Сэн метнула в мать холодный, как эти алтайские снега взгляд.

– А ты, старший братик, за собой бы лучше следил, – снова набросилась на меня сестра, – своим молчанием думаешь, что всех победил? А на деле ведешь себя как лошара, вообще своего мнения не имеешь!

– Сэн! – рявкнул я.

Сказать, что завтрак не заладился, значит, вообще ничего не сказать. Начало моего отпуска похоже... эм, на мой обычный день в гостях у мамы. Живу я не с ними, но исправно приезжаю на все праздники. Иначе они чувствуют себя брошенными и начинают бояться, что их оставят одних справляться с тяготами жизни.

– Какой грозный! Не на ту ты брови хмуришь, Денисик, правильно хмурился бы, глядишь уже свою семью бы имел, а не с мамашей и этим балбесом... – она кивнула на Сашу, которому казалось вообще нет дела до происходящего... –

возился.

– Охренела, что ли?! – вскинулся брат.

– Адьёс, семейка, кушайте не обляпайтесь, – Сэн встала из-за стола и направилась к выходу.

– Откуда в ней в её шестнадцать столько злобы? – мама как-то криво улыбнулась и пожала плечами.

Я проследил взглядом за Сэн. Миниатюрная для своих шестнадцати, с темными длинными волосами с какими-то цветными выстриженными невпопад прядями. Мешковатые штаны и объемные толстовки, думает, что так выглядит увесистее, но на деле, они только подчеркивают ее хрупкость. На лице обычно уже с утра боевой готический раскрас. Он вообще когда-нибудь выйдет из моды?

Сэн открыла входную дверь, и я чуть не подавился куском, когда увидел, *кто* вошел в ресторан, столкнувшись с Сэн на входе.

Жесть. Сердце ухнуло в пятки. Я и забыл, что оно у меня вообще есть. Сука, бьется, как припадочное. Продолжение пятилетней агонии, прямо здесь и сейчас. Именно тогда, когда я решил на все забить, отдохнуть, мать вашу, наконец-то.

Это была Дина безо всяких сомнений. Изыщная даже в мягком свитере и обтягивающих брючках. Золотые угги на точеных ножках. Надо же, где ваши шпильки, строгие офисные костюмчики, Динь-Динь? Где слова о любви и «ты мой единственный»? Какого хера ты тут забыла, на Алтае, за три тысячи километров от Москвы, от меня?

Какая же она мягкая, словно кошечка, в этом вязаном уютном образе. Домашняя. Такая, какой хотел ее сделать я. Но, видимо, успел кто-то другой.

Смотрит на меня, так и застыв там на пороге. От морозных розовых щек отхлынула кровь, побледнела, будто привидение увидела.

Да я это, я. Тот кошмарный мудака, от которого ты сбежала, даже не удосужившись объяснить, что же, черт возьми, я сделал такого ужасного.

Я гляжу на нее и ощущение такое, что мои глаза наливаются кровью и клыки начинают отрастать. Сейчас стану именно тем кошмарным мудаком. Держись, Динь-Динь.

Она сказала, что ей стало нехорошо, и я отвел ее в комнату отдохнуть. За моей девочкой нужен глаз да глаз, она часто не чувствовала усталость, пока та ее не свалит с ног. А потом прибежал Саша с окровавленной головой, Дина исчезла, а телефон молчал.

Вопросов было много. Если верить Саше, то непонятно, зачем на него напала обычно спокойная Дина. Если верить словам мамы, Дина ей показалась очень странной и себе на уме.

По словам охраны, девушка вышла за периметр пешком, им показалось странным, что она без шапки в морозный вечер, будто наспех выскочила, но задерживать приказа не было, ушел гость и ушел.

Всем кроме меня Дина показалась чуть ли невменяемой.

Бред. Динь-Динь словно... вот эти снежные холмы – безмятежная, холодно-рассудительная, спокойная. Моя алтайская принцесса. Ее суждениям я привык доверять, с ней бы хорошо вести совместное дело. Впрочем, я так и собирался, как только мы поженимся.

Но Дина повела себя настолько непредсказуемо: сбежала, ничего не объяснила, не оставила никакого шанса на разговор...

Я был раздавлен, уничтожен. Но не сразу.

Сначала я ее искал. Я сбился с ног, пытаюсь ее найти, я чуть не сошел с ума. В какой-то момент даже мысленно похоронил ее, не мог поверить, что она просто взяла и исчезла, не объяснив мне вообще ничего.

Но вот теперь она стоит передо мной, распахнув глаза. И меня ломает заново от боли. Какого хера ты ничего мне не объяснила?! Я что не заслуживаю твоих объяснений? Я ушла, ты мне надоел, ты ужасный тип, мне с тобой хреново, адъёс, амиго. Я ж вроде всегда был в адеквате? Или мне только так казалось?

Перед глазами будто на ускоренной перемотке пронесся тот злополучный год. Несколько месяцев поисков, потом алкоголь, много алкоголя, утреннее похмелье в теле и боль в душе такая, что я мечтал не просыпаться вовсе. Я ждал, я все время проверял почту и телефон, я стал ждать бумажные письма – напиши, родная, объясни, будь человеком.

Меня ломало, меня обжигало болью. Снова и снова, сука,

снова и снова. Месяц за месяцем, год за годом.

Ты могла бы просто сказать. Я так тебя любил, я, твою мать, так сильно тебя любил!

А потом я начал злиться.

Разлюбил? Это даже не важно. Я понял, что есть кое-что посильнее любви – злость. Очень честное, чистое чувство, такое чувство, которое невозможно предать, так как можно предать любовь.

Дина смотрела на меня, не отводя взгляда. Но мне казалось, что она совершенно не удивлена тому, что видит меня. Значит, еще вчера узнала, что я здесь. Что она вообще здесь делает?

От барной стойки к ней двинулся администратор. Он встречал нас, когда мы пришли на завтрак.

Я не слышал, о чем они говорят, но было заметно, что Дина отдает какие-то распоряжения.

Еще больше, чем ее внезапное появление меня изводило то, как она выглядит. Сейчас мне хотелось видеть, что за пять лет она увяла, потеряла прежнюю привлекательность, растолстела так, что задница волочится по полу или наоборот анорексично похудела, да что угодно!

Но Дина стала только краше. В двадцать в ней была еще некоторая угловатость, но теперь в двадцать пять ее формы округлились, она налилась силой и красотой и выглядела просто потрясающе. От нее будто веяло этой морозной алтайской свежестью. Темные волосы струились по плечам и

до самой поясницы.

Администратор отошел от нее, и стало ясно, что Дина здесь не просто так и не на отдыхе. Она здесь работает. Не удивлюсь, если это вообще ее горнолыжный курорт. Хватка у нее и раньше была стальная во всем, что касалось карьеры. Как она там говорила, когда муржила меня своими отговорками: «Сначала я хочу чего-то добиться в жизни и только потом думать о семье». Может, ты не то, что я о тебе думал?

Расчетливая, беспринципная сука!

– Мы уезжаем, сейчас, немедленно! – я бросил салфетку на стол.

Видимо, я сказал это слишком громко. Другие гости ресторана с любопытством уставились на меня за своими столиками. Но мне было плевать, кто и что думает.

– Но, Денис! – возмутилась мама.

– Гонишь что ли, Дэн? – брат неодобрительно скривился.

– Я сказал, мы уезжаем! – я буквально кипел.

Еще немного и я бы не выдержал и потащил отсюда всех за шкуру. Я не мог находиться здесь ни минуты больше.

Ко мне двинулся администратор, тот крепкий молодой парень, которому Дина отдавала распоряжения. По залу зашуршали шепотки. На меня глядели с опаской и с любопытством.

– Я прошу прощения, что вмешиваюсь, но к сожалению, уехать не получится. В горах сошла лавина. Дорога... в общем нет дороги, так проще будет сказать. Но не волнуй-

тесь, здесь это никак не скажется на ваш отдых. У нас все предусмотрено, можете не волноваться. Как говорится, не впервой, – он лучезарно улыбнулся, а мне почему-то хотелось двинуть по этому сияющему лицу, чтобы выключить эту улыбку.

– И как долго будут расчищать дорогу? – спросил я, еле сдерживаясь, чтобы не заорать.

– К сожалению, не могу сказать точно. От многих факторов зависит. Может, неделю, может больше. И от погоды зависит в том числе.

– Денис, ну, вот говорят, что никак не скажется на отдыхе, чего ты дергаешься? – вмешалась мама.

Как я понял, мама еще не заметила Дину, не узнала или не разглядела. Иначе, не задавала бы idiotских вопросов. Зато брат ее и заметил, и узнал. Он сидел за столом, сложив руки на груди и смотрел на нее во все глаза, ехидно ухмыляясь. Он шепнул что-то матери на ухо, и та глянула на Дину.

Мне уже было плевать на все, я просто хотел убраться отсюда. Администратор тем временем отошел от нас и подошел к Дине. Не знаю, зачем я следил за этим. Он положил ей руку на талию, по-хозяйски, интимно и что-то сказал на ухо. При этом смотрел на меня.

От этого его взгляда, от того, как он положил ей руку на талию, я окончательно потерял самообладание и дернулся к выходу.

Я шел прямо на Дину, она глядела на меня распахнутыми в испуге глазищами. А у меня сердце билось так, что сейчас выскочит ей камнем в лицо. В голове гудело. Нашлась, вот уж спасибо. Вовремя-то как! Стоило мне решиться забыть все раз и навсегда. Администратор развернулся так, что прикрыл ее немного корпусом.

Хотелось потушить его ударом в челюсть. Чтобы отлетела эта странная улыбочка.

Проходя мимо, я двинул резко плечом, собираясь его бор-тануть, чтобы убрался с пути, но получилось неловко, к тому же он вовремя отклонился, и я ухнул вперед, чуть не потеряв равновесие.

Дина подхватила меня под локоть и заметно вздрогнула, будто сама не ожидала от себя такой реакции.

Меня обожгло это прикосновение. Хотелось схватить, прильнуть к ее губам, вдохнуть ее запах, посмотреть в лицо, долго смотреть, чтобы все понять. Чтобы не спрашивать, как мальчишка, что ты с нами сделала?

Я повернулся к ней. Краска сползла с ее лица, Дина стояла бледная, крепко сжав губы.

– Убери от меня руки... – я хотел добавить «сука», но сдержался.

Дина опустила взгляд и отошла в сторону.

Я выскочил наружу. Вчерашний шторм улегся, но было еще ветрено, я мгновенно продрог. Возвращаться обратно в гардероб за верхней одеждой даже в голову не пришло. Я

двинулся в сторону гостиничного комплекса, только бы поскорее убраться отсюда.

Права была Сэн – этот завтрак оказался несъедобным.

Дорогие мои читатели! Приглашаю почитать мой новый роман - "Мальчик из прошлого".

Аннотация:

Мне 37 лет, и я чувствую себя старой потрепанной лошастью. Подруга подбивает меня пойти на встречу одноклассников, и там я встречаю его – парня, который был в меня влюблен. Только роли изменились. Тогда я была звездой школы и смотрела на него свысока, а теперь он – брутальный, мощный красавец мужчина, как мне кажется, смотрит на меня с ужасом и думает: «Что случилось с моей первой любовью?»
Мне хочется ему сказать: «Просто случилась реальность, Федя, случилась жизнь, а первая любовь – это просто сказки».
Мне хочется сбежать отсюда, и я уже готова, но слышу от него: – Зверева, где тебя носит? Только ради тебя и пришел. Так, времени у меня нет, поэтому коротенько. Я тебя, Алиса, люблю, любил и всегда любить буду.
– Федь... – заикнулась я.
– Помолчи.
– Я за... замужем, – только и успела я выдать из себя.
Сегодня заеду и заберу тебя. Жди.

Читать здесь --- > <https://litnet.com/shrt/SfSt>

Или переходите на мою страницу и увидите книгу.

Глава 5. Внимание и ласка

Андрей подошел ко мне, положил руку на талию и слегка ущипнул так, чтобы никто не заметил.

– Очнись, Дина, тебя парализовало, что ли? Люди смотрят... – шепнул он мне на ухо.

Я, и правда, стояла, не в силах двинуться с места, и только во все глаза смотрела на Дениса. Пальцы похолодели, на глаза навернулись слезы, будто все произошло вчера, а не пять лет назад, и сердце рванулось к нему. Я так виновата перед ним.

Денис, я не забыла. Я не смогла жить дальше, я просто заперла сердце с тобой на замок. Но я не забыла.

Знает ли он, что за люди его окружают? Или нет? Я так боялась этого узнать, но если он не в курсе, что творится за его спиной, то выходит, я оставила любимого человека во тьме, в беде...

И вместо веселого, шутливого Дениса, каким его когда-то знала, я видела перед собой сурового мужчину, в межбровье легла глубокая морщинка. Он теперь носит аккуратную бороду, несколько серебряных нитей в волосах. Матёрый. Взгляд сделался острее, с каким-то льдом, застывшим на дне его глаз. Красив, как и прежде, нет... лучше, мужественнее, брутальней, что ли.

Вместе с тем в голове неслось: «Что же теперь будет? Бо-

же! Как я так умудрилась вляпаться! И вся семейка в сборе. Я не знала, что у него есть сестра, эта девочка слишком уж молода, чтобы быть чьей-то пассией. А если он в курсе дел своей семейки, то я правильно сделала, что сбежала и бежать надо снова». Казалось, сердце не бьется ровно с того момента, как я сюда вошла. На его мамашу и ублюдка брата я даже не смотрела. Не хотела пересекаться с ними взглядами.

Денис шел в мою сторону, и мне казалось, что он собирается снести меня с дороги. В его глазах блеснул какой-то ненормальный огонь. Андрей прикрыл меня телом, и Денис собирался его уже как следует бортануть, но Андрей ловко двинул плечом в сторону, и Денис провалился вперед, потеряв равновесие.

Я машинально, не отдавая себе отчета, схватила его за локоть.

– Не трогай меня... – он прошипел с такой злостью, что у меня холод пробежал вдоль позвоночника. Я отпрянула.

Никогда не видела его настолько злым. Вообще никогда не видела злым, но сейчас он будто хотел испепелить меня взглядом. Это была злость, граничащая с ненавистью. Я даже опешила немного, будто это и не «мой» Денис, а какой-то чужой человек. Но это был Денис и с этим ничего нельзя было поделать.

Когда он вышел, я глубоко вдохнула, переводя дыхание, огляделась по сторонам, как бы сразу улыбаясь всем, чтобы показать остальным гостям в ресторане, что все в порядке и

легкое недоразумение улажено.

Но внутри у меня завывала метель. Я совершенно не соображала, как действовать дальше. Я хотела пройти мимо стола, где расположилась родня Дениса, но не тут-то было.

– Диночка, – осклабилась Анастасия Михайловна, – какая встреча!

Пришлось остановиться.

Я смотрела на неё, как на какое-то жуткое насекомое. Я её боялась. Инстинктивно боялась.

В голове тут же зазвучала фраза, которую она шепнула мне на ухо перед тем злополучным ужином пять лет назад. Я будто снова окунулась в тот густой морок, из которого бежала сломя голову.

– Здравствуйте, Анастасия Михайловна, – на брата Дениса я не смотрела.

Меня всю колотило. Казалось, если он сейчас хоть слово мне скажет, я что-нибудь разобью ему об голову.

– Ну, что ты, красавица, смотришь как на чужих? Видишь, как получается, одними дорожками получается ходим.

Я все-таки глянула невольно на Сашу. Его масляные глазки поблескивали, он осматривал меня с головы до ног, словно собака, у которой из пасти вырвали кусок надкушенной колбасы. Он совсем был не похож на Дениса.

– А мы скучали, искали тебя, но тебя и след простыл, переживали очень, думали – не случилось ли чего дурного. Ну, что ты так удивленно смотришь? – от голоса Анастасии Ми-

хайловны меня мутило.

Каждое слово она произносила со слащавостью и издевкой.

– Не стоило беспокоиться, – оскалилась я в улыбке.

Я уже собиралась уйти, но она встала из-за стола и взяла меня за руку. От этого прикосновения меня передернуло, словно я к чему-то скользкому прикоснулась.

– Знаешь, а я же вчера тебя еще заметила. Когда мы только приехали. Никто не заметил, а я заметила.

Я не могла понять, к чему она ведет.

– Так вот, я Сашеньку попросила глянуть, ты не ты, может, мне привиделось от усталости. Такая дорога трудная оказалась. Саша за тобой присмотрел. Красивый дом у тебя, а природа какая! Прямо сердце за тебя радуется. Еще Саша сказал, что дочка у тебя просто прелесть! Такая замечательная малютка!

Я меня подкосились колени. Я представила, как этот урод заглядывает в окно моего дома, когда я подхватываю дочь на руки. Эта вчерашняя сцена так ярко предстала перед глазами, что невольно сжала кулаки, да так, что ногти впились в ладони.

– Я тут прикинула... – продолжила Анастасия Михайловна, – ей же, наверное, лет пять, да? А ты, Диночка, ничего от нас не скрыла? Если да, так нехорошо это, прятать дочку от папы, а внучку от бабушки.

Меня трясло. Хотелось оттолкнуть ее от себя. Хотелось

бежать домой – схватить дочь и бежать на край света. Но больше мне бежать некуда. И дело не только в том, что из-за лавины отсюда пока никому не выбраться, но и потому, что это мой дом. Я здесь хозяйка. Это моя земля, мой дом, моя дочь! И если кто-нибудь попробует к ней приблизиться, я готова перегрызть глотку и мамаше Дениса, и ее придурку «Сашеньке».

– Что-то вы, Анастасия Михайловна, лишнего себе нафантазировали, – я выдернула свою руку из ее руки, – возрастное, видать, что-то? Как ваше здоровье-то? Все-таки старость дело такое...

Улыбка сползла с ее лица.

– Твоими молитвами, Диночка, чувствую себя превосходно, – процедила она сквозь зубы.

– Ну вот и славненько, отдыхайте, Анастасия Михайловна. К вечеру, думаю и погода наладиться. Вы же отдохнуть приехали? Наш сервис к вашим услугам.

Я отошла от них и поспешила к барной стойке и дальше в дверь, ведущую на кухню и в подсобные помещения.

Дверь отлетела в сторону, грохнувшись об стену, и я налетела на Андрея, уже поджидающего меня здесь.

– Дина, какого хера твой бывший с недовольной миной приперся? Ой, не делай такое лицо, я его на фото видел.

Впервые спокойствие Андрея, его всегдашняя усмешка, будто жизнь и реальность это что-то легкое и ненастоящее, были к месту. Это как заметить маяк на могучей скале во

время урагана.

– Не только с недовольной миной, но и... Я же тебе рассказывала о семейке своего бывшего помнишь?

– Да быть того не может, только не говори, что это...

– Именно!

Конечно, я не все в свое время рассказала Андрею. Так только – несколько штрихов, но очень яркой краской. Без подробностей про брата Дениса.

– Если бы я не видел, как ты остолбенела, решил бы, что бредишь. Такие совпадения вообще бывают?

– Видимо, бывают. Слушай, ты прикрой меня, мне нужно к дочке, – я умоляюще посмотрела на него, понимая, что взваливать на него одного все сейчас не очень правильное.

– Конечно, ни о чем не беспокойся, – Андрей сделался серьезным, и я была ему благодарна, что сейчас он не отвесил какую-нибудь свою очередную шутку.

Я спешила домой мимо вереницы шале, ветер подгонял в спину, но еще сильнее меня подгоняли фразы из прошлого, всплывающие в памяти.

Особенно та, которую Анастасия Михайловна шепнула мне на ухо, и после которой я окончательно поняла, что этой семейке место в сумасшедшем доме, а мне нужно бежать:

«Братья делятся всем поровну. Я воспитывала их так, чтобы они были на равных и не завидовали друг другу, а ты вон какая... и с Денисом... Сашенька не должен чувствовать себя обделенным твоим вниманием... и лаской».

Глава 6. Слишком много совпадений

Я видел, как Дина спешит к отдельно стоящему дому, где, видимо, и живет.

Меня разрывало на части. Впервые за пять лет я могу подойти и прямо спросить. Узнать то, что меня выкручивало все эти годы. Мне хотелось догнать ее и вытрясти всю правду. Почему она так поступила? Почему ничего не объяснила, почему исчезла?

Но я... гордость что ли. Если моя Динь-Динь посчитала нужным наплевать на мои чувства, смысл мне сейчас ползать перед ней, умоляя дать объяснение.

Но она так смотрела на меня, с такой теплотой, с таким неравнодушием, можно было захлебнуться от невысказанных чувств на ее лице, во взгляде, что почему-то казалось, что я подойду, прижму ее и спрошу на ушко: «Что случилось, малыш?» — как когда-то было. А она пожалуется мне и обхватит руками шею и уткнется в плечо.

Только вот пять лет между нами.

Разбитое лицо Саши. Что такое мог сделать ей Саша, что она, как он сказал, разбила ему об лицо вазу. Вазу, черт подери!

Сбежал с лестницы весь окровавленный, орал как реза-

ный, крыл Дину матом, угрожал, что напишет на нее заявление. Немало мне стоило усилий, чтобы он не стал писать на нее заявление в полицию. Вдвоем с матерью пришлось уговаривать.

Я знаю, что он немного не в себе. Всему виной тот случай в детстве. Моя заслуга, что уж тут скажешь. Я уже устал проклинять тот день, когда зарядил ему камнем в голову. Мать, впрочем, не дает мне о нем забыть. Саша на моей шее – потому что я виноват. Никогда, мне, видимо, уже не избыть это чувство вины.

– Может, ты что-то ей сделал? Как-то не так себя повел? Может, она защищалась от тебя? – спрашивал я его в тот день.

– Да ничего я твоей дуре не сделал! Зашел в комнату, я даже не знал, что она именно там, свет включать не стал. Она на меня напала! Я ей сразу не понравился. Потому что я не такой как другие. Я такие вещи хорошо чувствую, у нее бзик. Она хотела меня убить. Схватила вазу и по роже! И деру дала.

– А в комнате моей ты чего забыл? – спросил я.

– Я что должен отчитываться, куда в своем доме зайти решил?

Поверить Саше я не поверил. Но и Дина своим исчезновением загадала загадку. Что это было? Что там произошло? Что захотела скрыть Дина?

Да черт возьми, разве я бы ее не защитил от всего?!

Я даже сделал несколько шагов по направлению к ее дому, но вовремя остановился. «О чем мне с ней говорить? Имеет ли значение сейчас то, что случилось пять лет назад. Какая мне, в конце концов, теперь разница», – засыпал я сам себя вопросами и решил заняться более насущными делами.

Прежде всего, нужно сваливать отсюда, и способ точно должен был.

Я вернулся в ресторан и нашел этого дерзкого администратора. Что ж, какой начальник такой и подчиненный, тут ничего не скажешь. Под стать Дине.

– Послушайте, я понимаю, что лавина сошла и все такое, но я ни за что не поверю, что нельзя вызвать вертолет или что-то подобное, – обратился я к нему. – Есть же здесь спасательные службы? Давайте решим этот вопрос, сколько бы там это ни стоило.

Он глянул на меня, как мне показалось, с некоторым пренебрежением, будто я совсем уж несусветную чушь несу.

– Видимо, действительно не понимаете, – ответил он, – службы спасательные есть и все они заняты делом. Нам повезло, не задело и вообще никак не затронуло, но это только нам. Мы уже доложили, что пострадавших у нас нет, что помощь не требуется и мы вполне автономны. Но кому-то повезло меньше. Предлагаете все бросить и срочно предоставить вам вертолет? Может, черт с ними – альпинистами, пропавшими без вести, черт с ней деревушкой, от которой камня на камне не осталось и нужно жителей вывозить?

Мне стало неловко. Парень говорил совершенно без злобы и не пытался выставить меня идиотом. Просто, видимо, уже не сдержался. Наверное, он местный и для него вся эта ситуация видится совсем в другом свете, нежели нам – отдыхающим.

– Извините, как вас?..

– Андрей, – представился он.

– Андрей, я понял, да, наверное, я неправильно расценил ситуацию.

Он вроде как смягчился и сказал:

– Ничего страшного, мы все на нервах. Вам беспокоиться не о чем. У нас все предусмотрено на такой случай. Никакого дискомфорта вы не почувствуете, за исключением того, что покинуть это место пока не получится.

– Да, я понимаю, еще один вопрос, Дина, она здесь главная? Управляющий?

– Хозяйка, – ответил Денис и едва заметно ухмыльнулся, внимательно разглядывая мою реакцию

– Хозяйка значит, что ж, достойно для такого возраста. Место прекрасное.

– Согласен, Дина всех нас вдохновляет.

Сказал он это так, что мне хотелось ляпнуть: «Всех или только тебя?». При одном упоминании ее имени у него сверкнули искры в глазах. Этот парень явно неровно к Дине дышит. Что, конечно, не удивительно.

Но, что это? Почему мне это вдруг неприятно? Это, что

ревность?

Я проводил мать и брата в гостиницу. Саша вел себя странновато. Озирался по сторонам, нервничал, казалось, все порывается куда-то пойти, что говорило об обострении.

– Сашенька, тебе нужно принять лекарство и отдохнуть, – ворковала мама.

– Да я не устал, – отвечал он.

– Ты понимаешь, о чем я.

На это брат не ответил. С матерью, несмотря на мягкость ее характера не стоило спорить и уж точно не стоило принимать ее доброту за слабость. Он это прекрасно знал и послушно кивнул.

– Я осмотрюсь немного, – сказал я матери и уже собирался выйти наружу, когда она меня остановила.

– Денис, постой.

Я замер в дверях.

– Я понимаю, что ты, наверное, сейчас не в себе немного. Все мы немного не в себе. Надо же, мы ее чуть ли не похоронили, а она, оказывается живет припеваючи. Могла бы и сообщить, что мы звери какие-то?

– Мам...

Я не готов сейчас был выслушивать слишком длинные тирады.

– Ну а что, я не права?

– Да права, конечно, просто какой толк об этом говорить?

– Об этом да, но я тебе другое хотела сказать. Мы тут слу-

чайно узнали... — мать сделала многозначительную паузу.

— Кто мы? — выпалил я, раздражаясь от этой двусмысленности.

— Мы с Сашей...

— Мам, ну не томи, что вы там узнали?

— Ребенок у нее, Денис...

Меня будто холодным душем окатили.

— Девочка, лет пять примерно, как много сегодня совпадений да, Денис?

— Этого попросту быть не может... — сказал я, то ли ей, то ли себе, то ли еще черт его знает кому.

— Как и того быть не могло, что мы припрямся черт его знает куда и обязательно ее здесь встретим, правда?

Я ничего на это не ответил и молча вышел из гостиницы. В груди стало тесно, будто внутрь засунули холодный камень и теперь он там увеличивался в размерах.

Поверить в то, на что намекает мать, я попросту не мог. Это уже как-то совсем бесчеловечно, что ли? Она знала, как я хочу детей, семью и не сказала, что у меня есть мой ребенок?

Да нет, глупости. Лет-то сколько прошло? Мало ли. Может, и не пять лет, вот прям так точно мать определила возраст.

Но все эти мысли меня никак не успокаивали, а наоборот только еще больше заводили.

После сцены в ресторане я твердо решил для себя, что с

Диной разговаривать не стану. Но сейчас уже ясно, что обстоятельного разговора не избежать.

Я не могу и не хочу оставаться в догадках и если на то, что произошло пять лет назад, мне глубоко плевать уже, я должен точно знать, мой ли это ребенок.

Глава 7. Пирожок с нетом

Денис. Флешбэк

Я увидел Дину в ресторане. Она работала администратором у моего друга, шеф-повара Кости Яковлева, известного и своими блюдами, и своим несносным характером.

Точеная, в черном платье, со строгой прической – идеальная до кончика ногтей. Но дело не в этом, а в том, что под всем этим отполированным образом таилась солнечная девушка.

Когда она улыбнулась мне, думая, что я посетитель ресторана, мне показалось, что я попал домой, и меня встречает моя Дина. От ее улыбки, от смешинок в глазах она сразу показалась мне родной, теплой.

Я стал управляющим ресторана по просьбе моего друга, на время, чтобы поправить его финансовые дела, и на работу спешил так, будто там все самое важное в моей жизни.

Не раз бывало так, что я встречался с кем-то довольно долго, даже жил с этими кем-то. Но мне не пришло в голову предложить выйти замуж. А Дину я хотел позвать после первого свидания. Без всякого сомнения я знал: она – моя будущая жена, я хочу от нее детей, я хочу каждый день возвращаться к ней.

А еще, я ее хотел так, что не способен был соображать. Она сносила мне крышу каждым своим изгибом, я обхваты-

вал ее, зарывался в ее волосы, в ее запах, зверел. Никогда такого не было, чтобы просто от присутствия, просто от того, что прикоснулся, меня настолько накрывало.

Да, я забыл пару раз резинку. И сказал: ну ок, заведем бейбика, не надо волноваться, выходи замуж. Вот тут Дина заартачилась. Карьера у нее и назойливые вопросы, почему я так быстро все решил, куда я спешу, почему я ее не слушаю. Извините, привык решать все сам.

Стоило еще тогда подумать, что быть может, Дина не считала меня подходящим мужчиной для ее жизни, для секса, как временный вариант – может быть, но не более того. Мне ли не знать, как умело сливать неподходящие варианты.

Так что на сегодняшний день у меня нет иллюзий по поводу ее чувств ко мне.

Мне дурно от того, что у меня есть чувства, что они, твою мать, не сдохли во мне до сих пор. И ее запах... всё так же сводит с ума.

Дина. Сейчас

«Не могу же я отсиживаться в доме вечно», – подумала я, целуя дочку.

И на Андрея я все сгрузить не могу.

– Ты сегодня дома останешься? – спрашивает меня Дашенька и дует губки. Маленькая копия отца, темноволосая, с прямыми бровками и пухлой нижней губкой. Вот сейчас упрямо смотрит на меня папкиным непререкаемым взглядом. Люблю, люблю. Я хватаю ее в охапку и зацеловываю.

Она смешно отбрыкивается, будто у нее восемь рук и ног.

– Ты, мама, говори нормально, а то будто ты врушка-нехочушка, – Дашенька топает ножкой.

– Чего? Что еще за врушка-нехочушка? – Так и подмывает схватить ее и снова затискать, но Даша о-очень серьезная и у нее важный вопрос, так что я отвечаю со всей серьезностью: – Нужно работать, хорошая моя, но ты же знаешь, я неподалеку.

– Подалёку!

– Подалёку? А где эта подалёка? – улыбаюсь я.

– Даша, пироги идем печь? – выручает меня Тамара Васильевна, выглядывая из кухни.

Даша с радостью срывается с места, тут же отвлекаясь от меня. Я с благодарностью киваю Тамаре Васильевне и иду к выходу.

Дергаю дверь на себя и буквально влетаю в объятия Дениса. Он машинально прижимает меня к себе. И мы на секунду замираем.

Я поднимаю на него взгляд и чувствую такой знакомый и такой близкий, даже спустя пять лет, запах его тела. Сердце подпрыгивает в горло, а ноги тут же становятся ватными.

Он не отпускает меня. Мгновение длится слишком долго. Смотрит мне в глаза, словно хочет убедиться, что это действительно я.

Я слышу, как бьется его сердце, чувствую его горячее дыхание, все во мне замирает, а потом он отпускает меня и мне

вдруг становится пусто, холодно.

– Привет, Денис, – я не знаю, что еще сказать.

Все слова кажутся нелепыми и даже это банальное – «привет».

– Привет, Дина, – здороваются все-таки он, на что я уже и не рассчитывала.

Думала, сейчас выдаст что-нибудь этакое. Но он вдруг устало смахивает с лица растаявшие снежинки, прикусывает губу, такую же пухлую нижнюю, как у Дашеньки.

– Пустишь? – спрашивает он.

– Проходи, конечно.

Он проходит в дом, я закрываю за ним дверь и понимаю, что сейчас нам предстоит очень непростой разговор.

Вся вина за мой побег, за дочь румянцем бросается мне в щеки. Если бы он кричал, злился, как тогда в кафе, а он такой вот – усталый, раненый, и я хочу взять его лицо в руки, целовать губы, глаза и говорить: «Прости меня, прости, пожалуйста».

Но я молчу. Уже поздно для всех «прости». Вижу, что и он будто растерялся. Оглядывается по сторонам, словно ищет что-то. Или кого-то.

Мне не нужно объяснять, я уже и сама поняла, что мамаша Дениса сказала ему про Дашеньку. И он сейчас здесь по этой причине.

Я думала, что, когда это случится, я встану в оборону, но я не чувствую необходимости сейчас защищать себя или

Дашу. Словно неизбежность, жуткие тайны семьи Дениса, от которых я так долго бежала, все-таки настигла меня и бороться больше нет смысла. Остается только смотреть, что из этого получится и действовать по обстоятельствам.

– Ты совсем не изменилась, – говорит Денис дежурное и кажется растерянным.

– Ты тоже, – так же дежурно отвечаю я.

– Наверное, в этом ничего хорошего нет.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– Ничего хорошего, что мы не изменились, значит, все будет точно как было, – как-то пространно отвечает он, и я не могу уловить его мысли. – Я пришел тебя кое о чем спросить...

– Мам, гляди! – из кухни выбегает Даша.

Мордочка вся в муке, в руках какой-то бесформенный кусок теста, довольная до невозможности. Подбегает ко мне и с гордостью показывает:

– Это пирожок с нетом.

– С чем? – я не могу сдержать улыбки.

– Пирожок в котором ничего нет – с нетом.

– Лепешка же.

– Пф... – Даша смотрит на меня так, будто я вообще в этой жизни ничего не понимаю. – Здрасьти, – здоровается она с Денисом.

И в этот момент у меня обрывается сердце. Потому что, когда они рядом, они так похожи, сразу скажешь – отец и

дочь. И я отняла у него это.

Что-то теплое разливается во мне от этого осознания, и вместе с тем в солнечном сплетении поселяется холодок страха.

Денис смотрит на Дашу. Я вижу, как из его глаз уходит усталость и настороженность. Он улыбается и опускается на корточки.

– Здравствуй, – говорит он Даше, – а можно мне глянуть на пирожок с нетом?

Даша смотрит на меня с невероятным чувством превосходства. Дескать, видишь мам, только ты это можешь лепешкой назвать.

Она идет к Денису, несет лепешку на вытянутых руках гордо вздернув нос.

Денис протягивает руку, и она нисколько не заморачивается, плюхает липкое тесто в эту его руку.

– Я считаю – это шедевр, но нужно проверить каково на вкус.

– И так понятно, что вкусно на вкус будет, – Даша глядит на него с недоумением, дескать, что тут проверять, все же очевидно?

– Ну, не знаю, – Денис возвращает тесто Даше, – что-то я не уверен.

Она выпучивает на него глаза и поджимает губы. Вижу, что дочь полна праведного негодования.

– Тогда пойдемте! Будете пробовать! – она с таким чув-

ством уязвленной гордости идет на кухню, что я не в силах сдерживать улыбку.

Денис поднимается, снимает пуховик, скидывает обувь и, как ни в чем не бывало, идет за ней мимо меня, будто меня здесь вообще нет. Точнее, он старательно обходит меня, лишь бы не задеть, и мне от его холодности вдруг горько. Денис всегда был таким жарким, щедрым на любовь, объятия.

Сейчас его тепло льется на дочь, и Дашенька радуется, порхает, щебечет, моя маленькая птичка. Мне друг страшно, что теперь его семья знает о ней, о нас, они не дадут мне покоя. А если Денис на их стороне, если знает, что они творят... Надо бежать. Надо бежать.

Но я ничего не говорю и не вмешиваюсь. Потому что все, что происходит – такое уютное, такое осторожное. И в конце концов, я искренне переживаю за судьбу пирожка с нетом.

Денис будто находится немного в прострации, как мне кажется, и тоже не до конца отдает себе отчет в происходящем. Он садится за стол, где кругом мука, ставит локти на стол. Тамара Васильевна смотрит на меня с недоумением.

Я киваю ей, как бы говоря, что все в порядке.

– Я готов пробовать, – говорит Денис.

Даша деловито подает свой пирожок с нетом Тамаре Васильевне.

– Жарьте, – повелевает Дашка.

Тамара Васильевна в два движения поправляет скалкой лепешку и отправляет на сковородку.

Я стою позади Дениса. Тамара Васильевна снова смотрит на меня с немым вопросом в глазах. Я только пожимаю плечами.

– И как зовут молодого человека? – спрашивает она, не отвлекаясь от лепки пирожков.

– Денис, – говорю я вместо него.

– Так что, Денис? Чаю? – Тамара Васильевна жмет кнопку на чайнике, не дожидаясь его ответа.

– Да, пожалуйста, – говорит он.

Тамара Васильевна ловко переворачивает лепешку.

– А ты чего застыла, Дина, садись, раз не ушла еще на работу, тоже чайку выпей.

Она открыла духовку и вытащила первую партию пирожков. От запаха у меня тут же заурчало в желудке, а Денис машинально потер ладошки в предвкушении.

Вся эта сцена, где мы с ним попали в заложники к дочери и к Тамаре Васильевне, когда невозможно поговорить, когда нет места выяснению отношений, кажется мне немного сюрреалистичной и похожей на затянувшуюся игру, но в этой игре только часть игры. Есть здесь что-то еще, с чем я не могу разобраться. Потому послушно сажусь за стол и будто нашкодившая ученица в школе кладу руку на коленки, в ожидании, когда меня отчитают.

Тамара Васильевна снимает Дашину лепешку и кладет на тарелку.

– Ему, – Даша пододвигает тарелку к Денису и с вызовом

смотрит на него.

Тамара Васильевна ставит на стол чашки с чаем.

Денис кусает лепешку, перекатывает кусок во рту, явно обжигая нёбо, но стоически переносит ожог.

– Превосходно! Просто великолепно! – говорит он.

И у меня такое ощущение, что он вовсе не преувеличивает, так искренне у него получается.

– Дайте-ка мне попробовать, – я отламываю кусочек. – Отлично, Даша, запишешь мне рецепт твоего нета.

– Пфф... – фыркает Даша, – я и не сомневалась.

Она складывает ручки на груди и все мы хохочем, умиляясь ее видом.

Чай выпит. Пирожки понадкусаны. Дашка сидит с округлившимся животом, и сама теперь смахивает на пирожок.

– А ты к нам еще в гости приходи, – говорит она Денису и смотрит с каким-то странным прищуром на него, будто на старого знакомого, которого давно не видела. – Я тебе еще пирогов напеку.

Мы с Денисом молчим. Переглядываемся. Тамара Васильевна видит, что здесь что-то не так и тут же приходит на помощь.

– Пойдем-ка, Даша, у нас с тобой еще куча дел.

Мы остаемся за столом вдвоем. Денис смотрит в пустую чашку. Я кручу в руках салфетку.

– Я пришел, чтобы спросить, но уже нет смысла, – говорит Денис и задумывается на мгновение. – Вопрос снялся сам

собой, я и так вижу, и чувствую, что это моя дочь и даже не пытаюсь сказать, что это не так.

Я молчу. К горлу подкатывает комок. Я не чувствую себя виноватой. Я чувствую, что именно сейчас мой мир, который я так долго выстраивала рушится. И я ничего с этим не могу поделать. А любая попытка помешать этому вообще от этого моего мира камня на камне не оставит.

– Да, Денис, это твоя дочь, – проговариваю я медленно и смотрю на него, ожидая реакции.

Глава 8. Лёд

– Ты не имела права лишать меня дочери, – проговаривает Денис сквозь зубы даже не со злостью, а с отчаяньем. – Как ты могла так поступить, Дина? Я не спрашиваю почему ты сбежала – это уже неважно. Важно было в первый год, когда я сбился с ног в попытке тебя найти, когда я с ума сходил, не понимая, что произошло. Теперь неважно. Но скрыть от меня ребенка?

– У меня были причины, – я стараюсь говорить как можно спокойней и уверенней, но все равно голос мой дрожит, горло сдавливают, кажется, что я сейчас задохнусь.

– Да какие еще причины? Впрочем, мне все равно! Теперь все будет иначе. Даже не думай мне запрещать общаться с дочерью!

Денис поднимается из-за стола, полный какой-то непонятной решимости, словно собирается предпринять прямо сейчас.

– Я не собиралась... в смысле – не собираюсь тебе запрещать, но выслушай меня. Ты не можешь просто взять сейчас и обрушить на Дашу эту информацию, ей уже пять, Денис – это будет стресс. Подумай об этом.

Я ожидала, что Денис выдаст что-нибудь противоречащее и не станет меня слушать, но он задумался. Я тоже встала из-за стола и оба мы прошли из кухни в гостиную.

– Нужно быть аккуратнее, понимаешь? – продолжила я.
– Время есть, все равно мы все здесь застряли. Тебе нужно сначала сблизиться с ней, пусть она привыкнет, видно, же, что тянется к тебе, видимо, против крови не попрешь.

– Что ты вообще ей говорила по поводу того, что она растет без отца? – спросил Денис, задумавшись.

– У нас еще не было об этом разговора, – признаюсь я.

– Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– И я не знаю, но, думаю, что хорошо. Ты согласен со мной?

Денис смотрит на меня нахмурившись из-под бровей, а я не знаю куда деть взгляд.

Я никогда не представляла этой ситуации и даже не предполагала, как себя буду вести, если она случится. Я не чувствую вины за то, что сделала, но я понимаю, что и Денис не заслуживает того, что случилось.

– Как бы не хотелось этого говорить, но ты права. Тем не менее, я сегодня же хочу познакомить Дашу с семьей – с бабушкой и дядей.

– Нет, Денис. Во-первых, как бы оно там ни было – я ее семья сейчас и только я. Если для тебя это и правда важно, ты можешь попробовать стать ее семьей, но пока только ты. Я же сказала, ты не можешь просто взять сейчас и обрушить на нее все это. Может получиться только хуже. Ты уверен, что хочешь потом разбираться с этим «хуже»?

Денис сжимает зубы. Я вижу, что он злится. Зрачки его

бегают, словно он ищет ответ на какой-то вопрос. На скулах играю желваки, и он невольно сжимает кулаки.

– Я не для себя прошу, и речь не обо мне идет, просто напоминаю, подумай о Даше, ей только пять, Денис, – пытаюсь я перехватить его внимание и настроение.

– Черт! Этой ситуации вообще могло не быть!

– Тише, Денис, не повышай голос, – я говорю спокойно, но подпускаю метала в голос. – Она может услышать. С этого ты хочешь начать знакомство с дочерью?

Смотрю прямо ему в глаза. Теперь его очередь отводить взгляд.

Он дергается к выходу, на ходу подхватывая куртку.

– Приходи завтра, сам немного успокоишься, я же не против, просто сделай все правильно. Один приходи, пожалуйста, никого из твоей семьи я в дом не пущу, – добавляю я.

– Что ты имеешь против моей семьи? – спрашивает Денис, обуваясь. – Семья-то моя, что тебе сделала?

– Я все сказала Денис, либо так, либо никак и посмотрим, что из этого получится, – я скрещиваю руки на груди.

Денис открывает дверь, в дом врывается морозный воздух. Денис смотрит на меня, останавливаясь на пороге. Я терпеливо жду, что он еще скажется, а сама внутренне молюсь, чтобы он не ляпнул, что-нибудь такое из-за чего между нами начнется война.

– Хорошо, будь по-твоему, – говорит Денис и у меня отлегает от сердца. – Но это не ради тебя, запомни, ничего ра-

ди тебя уже попросту быть не может. Но ты права, Дашенька здесь ни при чем.

– Приходи, Денис. Завтра.

– Я приду к дочери, тебя я видеть не хочу, устрой так, будь добра, – бросает он.

Я закрываю за ним дверь и прислоняюсь к ней спиной, закрывая глаза и переводя дыхание.

Я ожидала, что будет хуже, но меня все равно потряхивало. Голова мало что соображала. Именно сейчас я остро почувствовала свое, да и не только свое положение. Мы здесь заперты. Нельзя уйти, нельзя сбежать. То ли это подарок вселенной для меня, чтобы я могла со всем разобраться, понимая, что отступать некуда, то ли наказание.

– Мам! – появилась Дашка и, услышав ее голос, я тут же пришла в себя.

– Что моя хорошая?

– Кто был этот дядя? Он еще придет? – спрашивает дочь.

Неужели она что-то почувствовала? А еще говорят «обманул, как ребенка». Не так уж и просто обмануть ребенка, как может показаться.

– Придет, – улыбаюсь я ей опуская ответ на первый вопрос.

– Это хорошо, – говорит он так серьезно, что невозможно не улыбнуться. – Мне кажется он хороший.

От этих слов внутри меня разливается какое-то тепло, и я немного успокаиваюсь.

– Да, он хороший, – подтверждаю я ее слов и начинаю собираться.

Я и так выпала из происходящего, а дела не ждут. На Андрея, конечно, можно положиться, но только в том случае, если ему не состроила глазки какая-нибудь очередная смазливая сноубордистка из отдыхающих. Этого молодого сильного жеребца долго просить не нужно, а девичьи намеки он расшифровывает мгновенно.

Погода понемногу налаживается, но ветер еще подгоняет в спину. Я двинулась вдоль берега озера, с другой стороны от линии по которой выстроились шале для отдыхающих. Вдалеке заметила яркое красное пятно пуховика. Какая-то девчонка стоит на берегу у самой кромки льда и пробует носком крепость льда. У меня тут же обрывается сердце.

Я знаю, что в этом месте лед тонкий из-за бьющих там на дне ключей. Ускоряю шаг и не свожу глаз с пуховика алеющего на фоне льда и снега.

Девчонка делает шаг и выходит на лед. Я срываюсь и несусь к ней. Подбегаю в тот момент, когда она делает еще шаг. Выбегаю за ней на лед, хватаю за капюшон и тащу назад.

Лед трещит и проваливается под ее ногами, но я успеваю выдернуть ее на берег. Падаю на спину, она заваливается сверху на меня.

– Да какого черта! – взрывается она и вскакивает на ноги.

Я лежу на снегу, раскинув руки, и гляжу в синее бездонное небо, пытаясь успокоиться.

– Ты сумасшедшая? – обрушивается она на меня.

Я привстаю на локтях.

– Ты чуть под лед не провалилась, и кто из нас сумасшедший? – смотрю я в ее злые, колючие глаза.

– Не провалилась бы! Если бы ты на лед не вышла!

– Ну, это бабка на двое сказала, – я поднимаюсь на ноги.

Ей лет шестнадцать, не больше. Лицо кажется знакомым, но я не знаю почему. Ощущение такое, что я ее будто где-то видела. Очень симпатичная, но такое чувство, что она старательно пытается спрятать эту свою очаровательность молодости: волосы уложены так, что только нос и глаза видно, темноволосая, смотрит исподлобья, будто волчонок.

– А я тебя знаю, – она хитро прищуривается. – Ты же Дина.

– Откуда? – удивляюсь я.

– Оттуда. Я – сестра Дениса, знаешь такого? – девчонка отворачивается и смотрит на озеро.

– Даже не думай! – предостерегаю я ее, а сама пытаюсь сопоставить одно с другим.

Допустим, сестра Дениса, но откуда она меня знает? Тогда – пять лет назад я ее не видела и не знала о ее существовании. Денис о ней не рассказывал. Да и лет ей было сколько? Десять – одиннадцать, даже если она видела меня мельком, откуда знает, как зовут, и как умудрилась запомнить. Что-то здесь не сходится. Если только Денис ей обо мне не рассказывал. Но с чего бы ему делиться тем, что было с ребенком?

– Тебе-то какое дело? – огрызается она.

– Это мой горнолыжный курорт, и я несу ответственность за безопасность отдыхающих, так, что – самое непосредственное. Отойди от кромки.

Она остается стоять на месте.

– Как тебя зовут?

– Я – Сэн.

– Сэн?

– Что непонятного?

– Да все понятно, не кипятись.

– А ты, Дина, ведь и сама вот по такому тонкому льду прошла когда-то, и он под тобой уже почти треснул. Повезло, что успела выскочить на берег, – говорит Сэн так и не повернувшись ко мне.

От ее слов мне становится не по себе. Очень странные слова от очень странной девчонки.

– О чем ты? Что-то я тебя не понимаю.

– Поверь, это на твое счастье, что не понимаешь. Кстати, ты такая же как на фотографиях, – продолжает она и добавляет едва слышно, – красивая... Понятно, чего он так по тебе убивался.

– На каких фотографиях, Сэн, хватит говорить загадками, – и без того холодно, но от ее слов у меня ощущение, что я кусок льда ко всему проглотила.

Не могу сопоставить одно с другим. Но ее слова мне не кажутся безумными. Сэн будто хочет что-то сказать, но то ли

боится, то ли не может. Словно знает что-то такое, что вслух произнести невозможно, но и молчать не получается.

— ... они оба, понятно почему... — добавляет она к предыдущей фразе и снова так тихо, что мне кажется, будто я даже не слова слышу, а ее мысли. — Ладно, не заморачивайся, Дина. Все у тебя будет хорошо.

— Ну, твои слова да богу в уши, как говорится. Давай я тебя провожу до гостиницы, там же вы с семьей остановились.

— ... с семьей... — бормочет под нос и, наконец, поворачивается ко мне.

Смотрит на меня своими голубыми и холодными, как алтайский лед глазами.

— Мне шестнадцать, мне не нужна нянька.

— Это еще не полноценно совершеннолетие, до восемнадцати за тебя еще несут ответственность родители и семья.

— Да моей семье давно уже плевать на меня, чего ты привязалась? — шипит она, дергается и быстро шагает в сторону гостиницы.

У меня немного отлегает от сердца. Хотя бы переживать за то, что Сэн снова выйдет на лед больше не нужно.

Но вот от ее слов, от манеры говорить полупшепотом и загадками по-прежнему не по себе.

Я иду за ней и мне о много хочется ее спросить. Что за фотографии, что она знает обо мне и почему она вообще обо мне знает. И в то же время, я боюсь того, что может сказать эта дерзкая шестнадцатилетняя девчонка. За словом она в

карман не полезет.

Почему-то мне за нее становится волнительно. Я понимаю, что на лед она поперлась, может, просто не зная, что он хрупкий. Кто из нас в таком возрасте не делал глупостей, от которых у взрослых волосы дыбом вставали. Вот только Сэн не похожа на безрассудного подростка. Да и глаза у нее совсем не детские. Больше похоже на то, что душа этой девочки повзрослела намного быстрее, чем она сама, если не сказать – постарела.

Сэн доходит до гостиницы, открывает дверь, оборачивается и смотрит на меня. И снова меня обдает холодом от ее взгляда. Она будто, что-то еще хочет сказать, но вместо этого как-то криво улыбается мне и скрывается за дверью.

Я тряхнула головой, будто стряхивая с себя остатки мутного сна. Но в ушах так звучат ее слова. А перед глазами красный пуховик и холодные ее льдистые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.